часть рабочаго класса естественно можетъ скорѣе всего вырвать уступки изъ рукъ буржуазіи.

Такимъ образомъ, капиталистическій способъ производства, съ одной стороны, обнаруживаетъ свое революціонизирующее дѣйствіе тѣмъ, что организуетъ рабочія массы и по преимуществу въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя наиболѣе успѣшно охватываются крупною капиталистическою промышленностью, а съ другой стороны, въ этихъ именно отрасляхъ производства онъ представляетъ рабочимъ массамъ наибольшую возможность добиваться непосредственныхъ экономическихъ улучшеній, — при чемъ эти улучшенія, сосредоточиваясь въ этихъ наиболѣе благопріятно поставленныхъ отрасляхъ капиталистической промышленности, уже не могутъ быть названы совершенно ничтожными, а напротивъ того, признаются *значительными* даже тѣми наблюдателями, которые вовсе не склонны въ этомъ случаѣ быть оптимистами.

По этому поводу мы считаемъ не лишнимъ привести заключительные выводы Сиднея Вебба и Фридриха Энгельса изъ ихъ изслѣдованій о положеніи рабочаго класса въ Англіи — тѣмъ болѣе, что эти выводы признаются правильными самимъ Каутскимъ и цитируются имъ въ его книгѣ; кромѣ того, выводы Энгельса относятся къ промежутку времени между 1848 и 1885 го., т.-е. къ тому періоду, когда Англія уже несомнѣнно еще была представительницей истинно-капиталистическаго строя. Сидней Веббъ пишетъ въ своей книгѣ „Labour in the longest reign“:

„Во всѣхъ отношеніяхъ можно сказать, что хотя нѣкоторый значительный слой наемныхъ рабочихъ сдѣлалъ довольно большой шагъ впередъ со времени 1837 г., другіе слои, напротивъ того, добились лишь очень ограниченной доли — если только добились вообще какой-нибудь — въ общемъ приростѣ богатства и цивилизаціи. Если мы возьмемъ различныя условія работы и жизни и установимъ извѣстный уровень, ниже котораго жизнь рабочаго уже не можетъ быть названа приличной, то мы найдемъ, что процентное количество тѣхъ, которые, въ отношеніи рабочей платы, рабочаго времени, удобства жилищъ и общей культуры, стоятъ ниже этого уровня, въ настоящее время менѣе, чѣмъ въ 1837 г.; но мы найдемъ также, что самый низкій изъ современныхъ уровней жизни такъ же низокъ, какъ онъ былъ и тогда, и что общее число стоящихъ ниже принятаго нами уровня существованія, по своей абсолютной величинѣ, вѣроятно, даже возвысилось съ 1837 г. Бездна нищеты такъ же глубока въ настоящее время, какъ она была и

прежде, и размѣры ея такъ же велики, если еще не больше; слой грязи подъ нашими ногами и въ нашемъ сознаніи остается въ не уменьшенномъ количествѣ“[1]).

А вотъ что пишетъ Энгельсъ:

„Постоянное повышеніе (съ 1848 г.) замѣчается только у двухъ хорошо защищенныхъ частей рабочаго класса. Первая изъ нихъ — это фабричные рабочіе. Законодательное установленіе въ ихъ пользу хотя сколько-нибудь сноснаго рабочаго дня возстановило болѣе или менѣе ихъ корпоративную организацію и придало имъ, благодаря этой организаціи, еще большій моральный авторитетъ. Ихъ положеніе несомнѣнно улучшилось съ 1848 г.... Другая часть — это большіе трэдъ-юніоны. Эти организаціи обнимаютъ такія отрасли труда, въ которыхъ приложима или, по крайней мѣрѣ, преобладаетъ лишь работа взрослыхъ людей. Ни конкурренція дѣтскаго и женскаго труда, ни конкурренція машинъ не могли еще до сихъ поръ сломить ихъ организованной силы... Ихъ положеніе, несомнѣнно, значительно улучшилось съ 1848 г.; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что вотъ уже въ теченіе болѣе 15 лѣтъ не только ихъ хозяева ими, но и они были въ высшей степени довольны своими хозяевами. Они образуютъ аристократію въ рабочемъ классѣ; имъ удалось добиться сравнительно комфортабельнаго положенія и они принимаютъ это положеніе за окончательное... Но что касается главной массы рабочихъ, то уровень ихъ бѣдствій и необезпеченности ихъ существованія стоитъ такъ же низко, если еще не ниже, чѣмъ прежде“[2])...

Эти не подлежащія никакому заподозриванію въ оптимизмѣ и общепризнанныя свидѣтельства подтверждаютъ, во-первыхъ, то положеніе, что непосредственныя экономическія улучшенія въ промышленно-развитыхъ капиталистическихъ странахъ распредѣляются далеко не равномѣрно и распространяются лишь на нѣкоторые, хотя и *значительные* слои организованныхъ рабочихъ, достигая при этомъ уже *довольно значительныхъ* размѣровъ, а во вторыхъ, — и это особенно важно — что, благодаря такому неравномѣрному распредѣленію, эти экономическія улучшенія вызываютъ значительную дифференціацію въ средѣ рабочихъ массъ, выдѣляя изъ нихъ привиллегированную часть, рабочую аристократію, какъ говоритъ Энгельсъ, по отношенію къ которой психологическое вліяніе

[1]) Цитируемъ по книгѣ Каутскаго „Bernstein etc“, стран. 117. Май. Отдѣлъ I.

[2]) Ibidem.